

ном смысле (аналогии в видах и составах военных преступлений; сходство в системе наказаний; общность принципов военно-уголовной репрессии). Причина такой рецепции византийского права на русской почве состоит в том, что византийские нормы (наряду с другими источниками) использовались Петром I при разработке уставов создаваемой в начале XVIII в. русской регулярной армии.

Доклад Я. Н. Щапова «Эклога законов в русской письменной традиции» был основан на многолетнем комплексном изучении им славянских текстов Эклоги в древнерусской письменности. Докладчик изложил историю всех четырех сохранившихся славянских текстов этого памятника, два из которых являются переводами отдельных частей Эклоги. Сравнительное изучение перевода и греческого текста позволило Я. Н. Щапову охарактеризовать переводчика и его работу. Вынести решение о месте перевода на основании его лексики, которая включает и древнерусские и южнославянские слова, можно лишь после специального лингвистического анализа, материал для которого предоставляет подготовленное Я. Н. Щаповым издание славянских текстов памятника.

В русле названной выше общей проблемы с докладами на секционных заседаниях по вопросу о византино-грузинских культурных связях выступили Н. Ю. Ломоури, М. П. Мургулия, Н. Утрелидзе, Н. А. Махарадзе (все — Тбилиси).

В докладе Н. Ю. Ломоури «Грузино-византийские культурные взаимоотношения в V—VI вв.» были рассмотрены три основных вопроса: первый касался конфессиональных противоречий в Восточной Грузии (Картли), два последующих носили методологический характер. Докладчик, опираясь на свидетельства грузинских, армянских и византийских источников, пришел к выводу, что в V—VI вв. в Картли господствовало диофиситство, а монофиситство вопреки мнению многих исследователей не играло сколько-нибудь значительной роли. Рассматривая методологию исследований, Н. Ю. Ломоури высказал убеждение в том, что неправомерно выдвигать принадлежность некоторых византийских деятелей к грузинской этнической среде в качестве доказательства вклада грузинской культуры в византийскую. Решающим является характер деятельности, самосознание, образование, круг интересов и язык данного деятеля. Докладчик высказал также (на основе исследования агиографических сочинений V—VI вв. и ранних грузинских базилик) свою точку зрения на тот принцип, которым следует руководствоваться при оценке византийских культурных влияний в Грузии: преимущественное значение, по его мнению, следует придавать не общим признакам, единым для византийской и грузинской культур, а особенностям, характерным для того или иного грузинского памятника и отличающим его от подобных же византийских памятников. Именно эти особенности дают возможность правильно оценить роль и удельный вес византийских влияний и показать самобытность местной культуры, несмотря на ее формальное сходство с византийской.

М. П. Мургулия в докладе «Андроник Комнин в грузинских источниках» попыталась уточнить характер тех родственных связей грузинского царского дома Багратиони с выдающимся представителем комниновского клана Андроником I, о которых говорят грузинская историческая литература и историческая традиция. Основываясь на осуществленном еще в 1941 г. акад. К. Кекелидзе критическом издании «Истории восхваления венценосцев», анонимный автор которой упоминает о пребывании Андроника Комнина при дворе грузинского царя Георгия III, М. П. Мургулия предприняла повторный анализ текста «Восхваления». Ей удалось выявить дополнительные аргументы в пользу предположения о том, что матерью Андроника могла быть Ката — дочь грузинского царя Давида Строителя, выданная замуж, по свидетельству грузинских источников и Зонары, за одного из представителей комниновского царского рода. Докладчица обратила внимание на то, что анонимный автор «Истории восхваления венценосцев» называет Андроника «племянником отца» грузинского царя Георгия III, Димитрия, который был сыном царя Давида Строителя